

СЕРГЕЙ КУБРИН

Между синим и зеленым

Ковчег (ИД Городец)

Сергей Кубрин

Между синим и зеленым (сборник)

ИД «Городец»

2019

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Кубрин С.

Между синим и зеленым (сборник) / С. Кубрин — ИД «Городец»,
2019 — (Ковчег (ИД Городец))

ISBN 978-5-907085-21-3

Мир, в котором мы живем, жесток и несправедлив. Так как остаться в этом мире человеком, не потерять себя и любовь к ближним? Что важнее: месть за убитого друга, продолжающая череду жестокости, или жизнь во имя добра? Обида, порождающая злобу, или возможность сделать свой мир лучше? Стоит ли бесконечно ругать тьму, даже не попытавшись зажечь свечу? Ответы на эти и другие жизненно важные вопросы стремятся найти герои произведений Сергея Кубрина, обретая надежду и постепенно меняя свой мир.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907085-21-3

© Кубрин С., 2019
© ИД «Городец», 2019

Содержание

Между синим и зеленым	6
1	6
2	12
3	18
4	25
5	32
6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Кубрин

Между синим и зеленым

© С. Кубрин, 2019

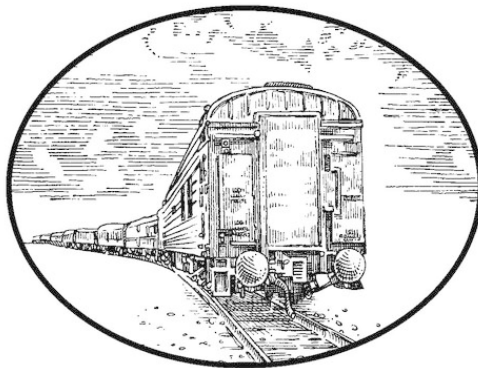
© ИД «Городец», 2019

* * *

Между синим и зеленым

Повесть

1

Никто из пацанов не собирался мстить за Летчика, но каждый из них, бывших сослуживцев, уже мчался в его родное захолустье, на заброшенный богом аэродром, кто поездом, кто на попутках, кто рейсовым междугородним автобусом.

Костя не знал, что такое месть.

Он сменил две электрички, уломал таксиста на сторублевый проезд от одной станции к другой, а после долго шел пешком, прежде чем попал на перрон отправки поездов дальнего следования. Он и сам наверняка не знал, точнее, не помнил, как называется городок, где Летчик прожил свою недолгую жизнь. Пообещал встретить Ксива.

«А дальше мы разбе-ёмся», – привычно проглотил тот уязвимую «р».

Костя услышал не «разберемся», а «разобьемся», но решил, что жизнь, несмотря на свою удивительную жестокость, успокоится хотя бы на время, ограничившись Летчиком, который всегда был первым и, так уж вышло, первым помахал этой жизни рукой.

Он остановился, заметив двух сотрудников, патрулирующих привокзальную территорию. Бросив свежую сигарету, придавил ее мощной подошвой армейских берцев. Но от преследующего, что ли, страха или оправданного волнения зачем-то пошел напрямик, решив: если суждено попасться сегодня, так тому и быть. Костя почти случайно взглянул на одного, определив служебную усталость, проступающую на тяжелом полицейском лице отсутствующим и каким-то потусторонним, граничащим с равнодушием взглядом. Второй еще обладал признаками жизни, наверное, в силу молодости, но, даже обратив внимание на Костю, прошел мимо.

Костя понимал, что искать будут в любом случае. Никто не забудет про этот розовый танк. И найдут обязательно. Но пока он ехал к Летчику, чтобы отпустить того в последний, теперь уже вечный, рейс.

Костя не любил поезда. Не стал дымить на платформе, хотя умел курить в кулак – так, что ни один полицейский не заметит. Да какой там полицейский. Под конец службы даже комроты не видел, как борзый Вермут клубит в строю.

Постояв недолго, померзнув для порядка, поддавшись вечернему, свежему до скрипа ноябрьскому ветру, он показал проводнице билет, удостоверив тот паспортом. Проводница долго всматривалась в его упитанное лицо и бритую колючую голову. Потом кивнула. Костя тоже кивнул.

Отыскав место, бросил рюкзак на верхнюю полку. Дедушка, как и полагается, спал внизу, но гражданка давно отняла бывшие армейские прелести. Он хотел запрыгнуть наверх, избежать бы только предстоящих разговоров, но белье пока не принесли, а плацкартный сосед уже приземлился за столик, важно затолкав ногой здоровенную сумку.

– Туда уж не закину, – хохотнул старик, махнув на багажную полку. Костя посмотрел на часы. Пора бы уже.

Старик что-то еще сказал. Уже не седые, а совсем молочные, словно выбеленные, волосы тянулись по вискам, переходили в аккуратную мощную бороду. Сквозь очки таращились живые, полные ребяческой искры, большие глаза. Старик болтал без остановки, добавляя то и дело «ага, ага».

– Мой отец в войну ни одного человека не убил, – зачем-то сказал старик, – а потом всю жизнь считал себя трусом.

Когда поезд наконец тронулся и застонали рельсы под тяжестью колес, Костя рассмотрел все-таки в старике возможного собеседника, но тот уже переключился на себе подобного, сидящего напротив, и чуть-чуть стало обидно.

Поезд хоть и набирал скорость, но все равно тянулся монотонно и неуверенно. Так, словно некуда торопиться. Загоготал вагон. Шум разговоров слился со стуком дороги.

«Я в пути. Буду послезавтра», – набрал он сообщение Ксиве. Связь уже дохла, но где-то в проблесках городской жизни, появившейся вдруг за окном, холодный текст, казалось, взял себя в руки и, найдя силы, прорвался сквозь воздушные преграды, слившись с волной базовых мобильных станций.

Ксива не ответил.

Забитый насмерть людским удушьем, вагон мучительно давил, и Костя тоже решил стянуть волю в свой здоровенный кулак, потому что надо было как-то продержаться это время в пути, попросту выброшенное из жизни.

Дождлся белья. Умело расстелил массивный матрас, заправив тот простыней, – не осталось ни складки, ни морщинки, будто молоко разлилось по столу. Наверху, все-таки обнаружив себя одним, лишенным вынужденных разговоров, он откинулся на взбитую подушку и первый раз, наверное, за сегодня улыбнулся.

Стало совсем хорошо, когда вытащил из рюкзака первую баночку с пивом. Громко пшикнул, сорвав клемму, и тут же обратил на себя несколько подозрительных стариковских глаз. Бабка, укутанная в шаль, недовольно хмыкнула и еще долго косилась в его сторону. Лысый дедок важно уставился на Костю, но ничего не сказал. И только болтливый сосед заметил: «Молодежь!.. Да нормальная молодежь, ага».

В общем-то было все равно. А после первого глотка, так тем более. Он отвернулся, перевалившись на другой бок, укрылся простыней, скрыв следы своей противоправной утехы.

Поезд без конца тормозил и кряхтел. Словно сам давно состарился, но продолжал трудиться до победного, невзирая на крепкий пенсионный возраст. Гудели пассажиры, иногда уж слишком громко, веселясь над шутками добряка соседа.

Не со зла, конечно, может, случайно или вроде того, он подумал, почему эти дряхлые старики живут, а другие умирают. Он всячески пытался понять, чем провинился Летчик, если его, молодого, бросили за ограду, а эти старые никак не наживутся и уверенно мчатся куда-то по гладким железнодорожным путям.

«Вы куда едете?» – слышал он. «Да туда...» – «А вы куда?» – «И мы туда же».

Может быть, только Костя и знал один, что едет к Летчику. «Я приеду», – ответил он в трубку его матери, отчего-то спокойной, уверенной, что произошедшее касается кого угодно, только не ее.

– Вы поездом? Вас встретить? Леша так вас ценил, столько всего рассказывал.

Тогда Костя почувствовал себя живым, способным на человеческую слабость, но во имя Летчика и теперь уже матери этого сбитого штурмовика сдержался и ответил совсем коротко, почти презрительно, как угодно, лишь бы не растратить свой былой армейский дух на слюнявый гражданский подгон:

– Да, поездом. Нет, не стоит.

Поезда он разлюбил, когда их, молодых, посаженных в камуфляжные скафандры, как стадо овец, гнали на срочку.

Старший команды, майор с фамилией на «ко», заигрывая с девочкой-проводницей, только-только, наверное, ступившей на первые свои километры, заставил будущих бойцов дежурить по вагону. Костя, с детства не любящий внимания, с самым средним школьным баллом, без особых достижений или врожденных способностей, не устоял на этот раз в привычном усредненном строю и тут же попал в первый свой наряд.

Проводница выдала тряпку и, наблюдая, как тот неумело обращается с главным боевым трофеем, готова была сама ринуться в бой с натопанной духанской грязью. Майор не позволил. На зависть вчерашним призывникам, обнял ту за талию и спустился ниже, уведя в запретное купе.

Костя сказал ребятам, что не станет мыть полы. Сослуживцы не поддержали, но промолчали, выражая так согласие, опечатанное безопасной силой тишины.

Крепкий с виду майор, здоровенный лбина, закончил быстро, но вернулся довольным. Бросил только: «Сколько вас там? А ну, это, сосчитайтесь». Никто ни с кем не считался, никто никого не считал. Но майор, видимо, решил, что ничего не случится, если кто-нибудь и пропадет.

«Да и ец бы с вами», – сказал, и заслуженный офицерский сон укутал его завидным спокойствием.

Ночью пили. Сначала осторожно, не запалиться бы. Пили неумело и скоро, закусывая, чем попадется, остатками не съеденного на сборном областном пункте. Потом, одурев, потеряв ощущение пространства, но сохранив чувство времени, поняли, как вроде бы медленно движется состав, но как резво меняются станции и вокзалы, и стало нехорошо от неизбежного приближения к месту службы.

Стало еще хуже, когда крепкая водка победила молодой организм. Костя, конечно, пил и раньше, но солдатом – впервые. Пить солдатом – значит пить насмерть, потому что солдат должен либо трезво жить, либо умирать. А умирать надо счастливым. Изнанка крутилась и вертелась. Он плакал, и дрожал, и думал, Господи-Господи, все это не со мной.

И пусть сейчас он ехал свободным от армейской близости, что-то екало в нем неприятной казарменной тоской. На каждой долгоиграющей станции казалось, что где-то неподалеку трубят неуместный советский марш, и вялым рассосанным строем топчет первый круг взвод несчастных солдат.

Уже кружило голову, становилось понятно и хорошо.

Он подумал, что не хочет все-таки на эти похороны. И, может быть, не решится участвовать в выносе. Ехал он с другой задачей и готов был на все – лишь бы Летчик знал, что армейские друзья своих не бросают.

Когда на полуночной остановке затащился в вагон форменный типан, выстриженный узнаваемым переходом, с начищенной бляхой и значком классности, Костя подумал, что упился вконец, потому что в дембельском проходе, в этом родном почти армейском лице, он вдруг рассмотрел Летчика. Такой же вытянутый, несуразный, с широченными плечами, выступающими словно крылья из худого высушенного тела.

Костя проследил, как тот занял место на боковушке, следующей за его полкой. Аккуратно, не разбудить бы сопящих пассажиров, бурлящих нездоровым храпом, он достал из вещ-

мешка командирский фонарик. Зажав тот во рту, пустил свет, разобрался с бушлатом и паутиной крепких шнурков.

Разматывая постельную скрутку, пацан случайно зацепил светом Костю и зачем-то кивнул, едва заметно дернув подбородком. Костя в ответ поднял руку с пивной банкой. Обнаружив проступившую улыбку, не раздумывая, прыгнул.

Скоро они разместились за свободным столом.

Это был, конечно, не Летчик. Но Костя подумал, что смерть творит странные вещи и может изменить людей до такой вот неузнаваемости: до равнодушного туповатого взгляда, сухого голоса, выцветших рыжих волос.

Некоторое время они пили молча. Дембель пил глубокими размеренными глотками. Смаковал и щедро чмокал, растапливая во рту полоски копченого кальмара. Костя узнавал эту радость встречи с гражданкой. Закатанные рукава кителя, расстегнутая пуговица, казалось, весь мир лежал у ног, и алкогольная свобода сама клонила на пол – не пьяной усталостью, а заслуженным отдыхом.

Дембель держал боевое равновесие и лишь после двух или трех достойных глотков дал слабину, заговорил о ненужном.

Говорил, что служил в артиллерии, но как-то неважно прошел отбор и попал в роту обеспечения, где вместо огневой подготовки целый год только и делал, что намывал технику в автопарке, чистил плац, сметая опавшие листья с бордюров, и превращал в кубические канты выпавший снег.

Он признался, что лишь однажды стрелял, и то не попал по мишени. Виной всему оказался то ли списанный, то ли еще не пристрелянный экземпляр АК.

– На самом деле, – сказал он, – всякое было. Ну, как всякое. Так...

Отвернувшись, слившись с темнотой вагона, замолчал.

– Куда едешь? – спросил Костя.

– А, – махнул рукой, – никуда не еду, – и снова отвернулся.

Костя достал из рюкзака пивное подкрепление. Жестяная банка ловко скользнула в руке и, выпав, звонко покатилась по проходу. Зашуршали соседи, закашляли старики.

«Совсем потерял совесть», – отчетливо и наяву прошипела женщина, еще не старая, но успевшая потерять память о свободной молодости и желании жить.

– Извините, – включился дембель. – Виноваты.

Он прижал палец к губам, вроде тише. А Костя ответил:

– С виноватыми знаешь, что делают?

– Знаю, – выдохнул дембель, и вновь проступившая тишина убедила, что действительно знает и лучше об этом молчать.

Решили курнуть, пока ночь крепла и стоял в голове густой охмелевший туман.

В тамбуре трясло, но парни уверенно стояли. Крепко вжались ногами в ходящий пол, держали равновесие.

– Ты тоже, это самое? – спросил дембель, заметив Костины берцы.

– Было дело.

Дембель, вздохнув тяжело и многозначительно, выдал одно лишь протяжное «Да...».

Костя догадывался, что таилось в дембельском «да». Ему вдруг показалось, как дембель до сих пор где-то в воинской части. Забудь о нем, замолчи, оставь – не заметит, утопнет в прожитой строевой или в далеких отголосках вечерней поверки.

– Костя, – протянул он руку, вспомнив, что не представился.

– От души, – сказал дембель, но имя не назвал.

Вернулись в вагон и накинули еще, а потом еще и подумали, что было бы замечательно шлифануть пивную радость настоящим градусом. Поезд, как назло, забыл о прежних дневных остановках и набирал ночную скорость, минуя станции.

Когда пиво ушло, и банки заполнили всю поверхность стола, и даже звякали под столом, и, может, перекатывались на спальной полке, Костя устало наклонил голову, подперев руками лоб. Он шатался волной, раскачиваясь ритмично с дыханием поезда, а сам почти не дышал.

Ему было хорошо. Перевернулось небо, земля оставила ноги. Пред глазами заискрилась россыпь звезд, и тут ему показалось, что вместе со звездами падает Летчик. Тот несся головой вниз, вытянув руки, и махал изо всех сил. Костя дернул в ответ кулаком, разбив стройный ряд жестяных банок. Грохнуло, потрянуло, в пробившемся шуме Летчик куда-то делся, растворился в прежней темноте, и только звезды сверкали фольгой.

– Летчик! Летчик! – прокричал пьяный Костя.

– Ау!.. Да... Чего? – откликнулся дембель.

Наверное, Костя протрезвел, по крайней мере, на некоторое время, едва заметное, но достаточное, чтобы поднять голову, растопырить глаза и убедиться, что откинувшийся с армейской запретки пацан хоть и свой, но совсем не сержант Летов.

– Ты не Летчик! – загремел Костя.

Он дернулся через стол и схватил того за воротник, растрепал края подшивы, оторвал пуговицу.

– Ты не Летчик! Понял?! Ты не Летчик!

– Я не Летчик, – подтвердил дембель, вяло мотая нетрезвой головой, не в силах дать заслуженный боевой отпор.

– Не Летчик, – повторил Костя и оттолкнул соседа. Проснулись пассажиры. Включили свет.

– Не Летчик, а Левчик. Я – Левчик, – сказал дембель. – Меня так называла мама. Левчик. Понимаешь?

Заиграла скрипучая помесь чужих голосов. Выскочила проводница, цепляя на ходу очки.

– Да что же это, в самом деле! – зашумела она. – Да разве можно...

Проводница развела руками при виде раскиданных банок, сушеной рыбы, ореховой скорлупы. Загундосили старики, и даже седой добряк прохрипел: «Ни стыда ни совести».

– Да еще и накурено! Господи ты Боже мой!

Растерянно пыталась она понять, что же делать и как быть, словно стояла перед ними не возрастная женщина, а та молоденькая практикантка, очумевшая от пьяных призывников.

– Мы уберем, – виновато сказал Костя.

– Обязательно, – уверил дембель.

– Уберет он, – крякнула с верхней полки женщина, еще недавно храпевшая неприличным глубоким ревом.

– Нет! Это невозможно! – заключила проводница. – Туда, значит, ехали, эти солдаты меня до капель довели. Сюда едем, и опять. Вы посмотрите, нет, вы посмотрите, – обратилась она ко всему вагону, и показалось, что весь вагон действительно посмотрел.

– Да все уже, все.

– Нет, не все. Сил моих нет. Я сейчас приглашу. Прямо сейчас вызову.

– Правильно! – поддержал какой-то старик и тут же принялся рассказывать про свое ушедшее время, в котором все было иначе и не было ничего.

– Да-да, пригласите. Мы деньги платим, – давила тетка, – и немалые. А тут, ой, – махнула рукой так, что Костя окончательно протрезвел и понял, как безнадежен.

– А милиция разберется.

Кто-то поправил, вспомнив, что милиции давно не существует, но полиция быть должна и, более того, просто обязана приструнить молодого нарушителя правопорядка.

– Не надо полицию, – попросил Костя.

– Нет, так нельзя, – засуетилась проводница и, не дав Косте последней возможности оправдаться, помчалась вглубь вагона к тамбурному переходу.

Поезд вяло тормозил, предвкушая недолгую остановку.

Что он мог сделать? Сидеть и ждать, пока придут сотрудники и начнут составлять протокол? Только этого не хватало.

Пока хватал рюкзак, накидывал куртку, выбегал, все думал про Летчика. Может быть, зря он решил ехать. Зачем теперь такая суета? Ради чего?

Приземлившись на жесткий асфальт безлюдного перрона, услышал невыносимое «Стой!» и почему-то остановился.

Вслед за ним прыгал из вагона дембель. Лысина его блестела в ночной прохладе.

2

Их подняли по тревоге. Дежурный по роте объявил построение на центральном проходе, и пока молодые занимали места, прикрывая ладонями участки мужской силы, сержант Летов нехотя будил Костю.

– Вермут, поднимайся. Вермут!

– А?!

– Построение! Ротный идет.

Кое-как проснулся, обнаружив себя в неизбежном армейском чистилище. А как ведь было хорошо минуту назад. Что-то снилось, настолько приятное и настолько невозможное, разбуди так вот внезапно – считай, приблизил на шаг, чтобы послать все далеко и надолго. Но сон быстро растворился казарменной былью. Пахло терпким хозяйственным мылом и костром. И, кроме черпаков, посылать было некого.

– Кто в наряде?

– Да Ксива, Ксива! – суетился Летчик, шныряя возле тумбочки. – Не видел мой ремень?

– Не видел, – отрезал Костя.

Неторопливо оделся, разгладив кулаком воротник со вчерашней подшивой. Важно почистил берцы и даже взял рыльно-мыльные – до того раздражало опухшее лицо и отекавшие руки. Сильнее мог раздражать один Летчик, который прошмонал каждую тумбочку, поднял каждый духанский матрас, но так и упал в строй без ремня.

Костя тоже бросил зубную щетку с полотенцем на койку и занял свободное место. Ворвался ротный, следом зашли взводные офицеры, и пробраться в умывальную, что называется, не представилось возможным. Уставная церемония открылась привычным командирским грохотом.

– Та-и-ищ капитан, – подлетел Ксива, – по списку девяносто шесть, в ст-ё-ою восемьдесят два. Пять – на-яд, пять – увал, четы-е – госпиталь.

– Какой на хрен увал? – Скулы ротного задрожали. – Какой на хрен увал?

Ротный всегда повторял дважды. Сначала спрашивал себя. Убедившись, что ответ находится вне зоны его понимания, дублировал вопрос.

– Виноват, – залепетал Ксива, – увольнительная. Четы-е – в увольнительном.

– Какие четы-е? – неумышленно подхватил картавость командир. – Каком таком увольнительном? Каком, я спрашиваю? – и уже не тиранил своим тяжелым взглядом бедного Ксиву, а смотрел высоко сквозь, задрвав голову, и здоровенный его кадык неприятно двигался.

Кого он спрашивал, никто наверняка не знал, но каждый готовил разумную ответочку на случай внезапного права голоса.

Костя не особо напрягался. Он давно уже не думал, а свято исполнял и строго соблюдал неважный воинский долг. Под святостью и строгостью скрывалось понятное дедовское безразличие, с которым кое-как, но мирилось звездное офицерское братство.

– Товарищ капитан, разрешите? – включился политрук.

– Разрешите? Ну, разрешаю.

– Под мою ответственность. Я обещал. Утром – вернутся.

– Ты мне это брось, – топнул ногой. Удар о дощатый отсыревший пол вышел позорно глухим. – Ты мне это брось! Ответственностью раскидываться.

Ротный было закрутился, чтобы раскрошить инициативного лейтенанта в камуфляжную сечку уставных взысканий и человеческих обид.

– Завтра утром – это поздно, – крикнул ротный. – Это уже очень поздно. И ты знаешь, почему.

Политрук виновато склонил голову. Будучи офицером, он по-прежнему сохранял в себе курсантский трепет при виде старшего по званию.

Костя уважал политрука, но не мог понять такой преданности командиру. За месяц до дембеля его самого настолько рассосало, что сейчас он стоял в строю, расслабив ногу, не дожидаясь команды «вольно». Увидел Летчика, струной держащего спину.

– Летчик, – прошептал Костя, но тот не обернулся. – Летчик, – чуть громче позвал, и тот услышал, но не стал поворачиваться.

Костя улыбнулся. Улыбку его заметил стоящий рядом солдат, который тоже вздумал разделить радость со своим сержантом. Но Костя оборвал протупающий взаимный контакт:

– Хули ты лыбишься, Чуча?

Костя вдруг заметил, что вся рота держит строй по форме раз, то есть в трусах и майках, а он с Летчиком красуется по четверке, в кителе и берцах.

– Вот те раз, Гондурас! – охренел командир. – Летов, ты что, берега попутал?

Он заметил, конечно. Как их можно было не заметить.

– Ага, и Неверов такой же. Посмотрите-ка, товарищи.

Командир рассмеялся. Смех его поддержали остальные солдаты. Стоящий рядом с Костей духан держался как мог, но не выдержал и пустил волну хохота. Выпала редкая возможность законного смеха над теми, кто обычно убивал даже намек на мимолетную радость.

– Отставить! – скомандовал командир.

– Отставить, – повторил лейтенант.

И снова стало неприятно тихо. Косте, в общем-то, было все равно, а вот Летчик покраснел, принялся растирать вспотевшие ладони о толстый камуфляж не к месту надетых штанов.

– Ну, что. Раз по форме, сам Бог велел.

Навряд ли капитан верил в Бога, иначе как Бог терпел его присутствие в грешном армейском периметре. Командир потребовал выйти из строя. Летчик протаранил два строевых, повернулся кругом. Костя вальяжно прошелся, распахивая стоящих впереди солдат. Одного духана так бортанул плечом, что тот сам почти выпал из стройного безобразного ряда.

– Так вот, – продолжил комроты, – будем считать, что ваш дембельский аккорд требует игры. Требуется игры ваш дембельский аккорд.

Костя не собирался идти на рабочку или прикручивать скосившиеся дверки шкафов. Что угодно, думал, только не чмошная духанская рабочка.

– Дежурный! Открывай оружейку.

Ксива затряс ключами, забежал туда-сюда, от сейфа к тумбочке дневального, обратно и вперед.

Летчик с Костей переглянулись. Не заставят же ночью чистить оружие. По распорядку чистка только послезавтра. В чем необходимость? Летов растерянно пожал плечами, потянулся к бляхе, но вспомнил, что потерял ремень.

– Че думаешь? – шепнул Летов.

– Ниче не думаю, – в голос ответил Костя.

В это время Ксива уже разобрался с ключами, и оружейная комната открыла решетчатые двери.

– Вперед! – скомандовал командир.

С центрального прохода продолжали доноситься командирские вопли. Волны голоса глушились о металлические шкафы, узкие перегородки, тяжелый плиточный пол.

– Номе-й помнишь? – спросил Ксива.

Летчик указал, на какой полке теплится его родной автомат. Костя ответил, что не помнит, хотя на самом деле помнил.

Ксива отслужил полгода, старики его почему-то не трогали. Сам Ксива не был рад дедовской теплоте и втайне желал, чтобы его дрюкали наравне с остальной молодежью. Однажды

подошел к Летову и попросил ночной прокачки. «Меня свои не п-ъ-инимают», – пояснил Ксива.

В тот же вечер сержант Летов исполнил желание. Довольный Ксива отжимался на глазах сослуживцев, касаясь подбородком пыльной взлетки, терпел физику в душной сушилке и, как полагается, испытывал на прочность дыхалку, пока старики практиковали удары с правой и левой.

Задохший Ксива, раненый и мятый, досыпал в полном счастье и верил, что теперь стал настоящим солдатом. Свои пацаны приутихли, хоть и подозревали, что дедушки били вполсилы. Ксива гордился мутными следами на теле и легкой недельной хромотой, а потом сам вдарил какому-то молодому и вроде бы завоевал окончательное уважение.

– Че случилось? – спросил Костя.

Ксива сказал «щас», выглянул из оружейки, убедился, что никто не услышит, и наконец раскурлыкался от души, не в силах больше хранить раскрытый ему по воле дежурного наряда секрет.

Он рассказал, что из подмосковной колонии сбежал заключенный и по каким-то неподтвержденным сведениям перемещается по лесу, окружающему их небольшую воинскую часть.

– Такие вот дела. Говорят, можно стрелять на поражение, если что.

– А мы-то при чем? – психанул Костя, бросив от злости снаряженный патронами рожок. – Я че, лысый, что ли, мне это надо? – завопил он, снабжая запасной рожок, протирая маслом ствол. Он понимал, сколько ни вопи, будет так, как решил командир. Приданные силы в лице срочников всегда пользовались спросом со стороны дружественных военизированных структур.

«Живое мясо, – думал Костя, – гонять дембелей, как собак паршивых. Ну, сбежал и сбежал. Убудет, что ли?»

Он непременно разразился бы вслух, если живое слово хоть что-то значило.

Упертый Летчик, напротив, стойко и равнодушно принял информацию. Волновал его только потерянный ремень.

– Ксива, не видел мой ремень?

– Не-а, не видел, – растерянно ответил Ксива. – Может, в бане забыл?

– В бане? Может, и в бане, – задумался Летчик. – Надо посмотреть. Долго еще там канитель будет?

– А кто ж знает.

Костя матюгнулся от души, харкнул в угол, не в силах успокоиться.

В оружейку заглянул Чуча с еще одной молодой черепушкой.

– Куда? – испугался Ксива. – Нельзя. Оружейка.

– Место! – скомандовал Костя, и молодые прыгнули обратно.

– Чего это, чего это нельзя? – заревел комроты.

После недолгих объяснений молодые вооружались как настоящие бойцы, а Костя по-прежнему плевался и шугал каждого встречного.

– Товарищ лейтенант, – после построения обратился он к политруку, – ч то за херня?

– Неверов! Держи базар.

– Да вы сами подумайте. Ну, куда с ними? Других, что ли, нет?

– А кто тебе нужен?

– Точно не эти сопляки. Жижу бы взяли, Фарша там, Корявого, на худой-то конец. Наших пацанов, короче, – указал Костя на дембелей.

– И они успеют. Радуйся, Неверов. Такая возможность. Государство тебя не забудет.

Но Косте было все равно на государство и его крепкую память. Он и сам хотел поскорее забыть о нем, вернуться домой и, как страшный сон, оставить даже мимолетное воспоминание о службе. Знал, что дома ждет его настоящая жизнь, хорошая работа, друзья, свобода. Захотел

– пошел туда, не захотел – обратно вернулся. Покурил. Чай попил. Сколько хочешь хлеба. Устал – поспи. Проснулся – сам решай, чем заниматься.

Наблюдал за Летчиком и, может, завидовал его непробиваемой стойкости. Надо так надо.

– Пойдешь курить? Я договорился.

Кто бы сомневался, что Летчик не сможет договориться.

Само собой, Летова он ценил. Вместе они ловили дедовских лещей, умирали на частых марш-бросках, тырили пряники в столовой, попадали в наряды. Спали на соседних койках, стояли рядом в строю. Вместе мечтали поскорее вернуться домой. День за днем, бок о бок, впритирку, будто пленники, скованные тяжелой свинцовой цепью, невидимой, но осязаемой, шли навстречу забытому гражданскому горизонту.

И если один шел чуть медленнее или, наоборот, бежал впереди, рушилась дружба и побеждала глупость.

Курили прямо у казармы. Черпак Чуча со вторым неудачником дымили в беседке.

Докурив, Летчик помчался к полуразрушенной кирпичке, где доживала свой век солдатская баня. Новый призыв обязали восстанавливать постройку в ожидании министерской проверки, но работали срочники неохотно. Кто-то в приступе духанского мятежа замахнулся кирпичом на сослуживца, после чего работы прекратили. Потом кончился кирпич. Ждали стройматериалы в надежде, что денег на цемент и прочую дрянь не выделят.

Вернулся Летчик без ремня. Молчаливо закурил и зацепил краем глаза Костину бляху. Костя заметил этот как бы случайный, но пристальный взгляд.

– Ну, хочешь, отдам? Что ж ты в самом деле.

– Да не, – отмахнулся Ксива, – у тебя другая.

– Да хули другая?

Летчик не хотел объяснять, как дорога ему начищенная до слепоты звезда. Но Костя и так понимал, просто разводил ненужную бодягу случайных фраз, чтобы разбавить чем-то густой дым перекура.

– Ладно. Херня-война, – улыбнулся Летов, – пойдем?

Костя не ответил и только зашагал в казарму, поторапливая от души закурившихся черепушек.

Лейтенант Татаренко проводил инструктаж. Командир назначил его ответственным за первую вылазку лишь потому, что условно боевые офицеры, комвзводы, отдыхали дома после ночного дежурства, а сверху потребовали заступить на точку незамедлительно. Политрук говорил медленно и вдумчиво, так, словно проводил занятия по морально-психологической подготовке, а не готовился к лесополемому выходу.

У каждого он проверил свежесть подшивы и чистоту берцев, потребовал достать из нагрудных карманов расческу с платком, а из фуражек – комплект ниток с иглами, дал три минуты на утренний туалет, сам ополоснул лицо, собравшись с мыслями. Уже на выходе из казармы невзначай как бы позаботился о самочувствии, как молодой признался, что второй день температурит и, скорее всего, не достоин исполнять такую ответственную задачу.

Молодой хоть и был молодым, но знал, как разговаривать с политруком. Козырни при случае о чести и достоинстве, попробуй объяснять возвышенно, как можешь, и политрук тебя услышит.

– Так не пойдет. Нужно заменить, – определил Татарин.

Чуча ударил в бочину – ты что, кидаешь меня? Тот, не скрывая, кивнул. Извиняй. Чуча относился к той категории солдат, кто считал врожденную глупость достоинством, когда с дурака взятки гладки, погон на шеврон, а служба – каток, прокатится на дурочку. Но сейчас понял, что есть козырь покруче глупости, и если научишься хитрить, значит, проживешь еще дольше, то есть – быстрее.

– Даже не вздумай! – хлопнул его по затылку Костя. – Понял меня?

– Понял, – головы не поднимая, ответил Чуча.

– Ты мне еще за «смехуечки» ответишь.

– За какие еще... – не договорил Чуча и снова получил.

Чуча поклялся, что, вернувшись из леса, начнет служить иначе и первым же делом наведается в лазарет, чтобы отоспаться в плесневелом госпитале.

И пока он представлял, как пойдет к врачу и что у него заболит, двусторонней ли окажется пневмония или защемит нерв в лопаточной области, зашуганный Ксива оперативно сдавал дежурство, чтобы заменить молодого черепа.

– Калеч гъёбаный, – непонятно ругался Ксива, набрасывая на плечо автомат.

Татаренко понимал, что Ксиве положены два часа отдыха после наряда, но ситуация обязывала. Может быть, он не смог набраться духа, чтобы снова поднять роту, определив кандидата на подвиг.

В который раз Татарин пересчитал по головам свою четверку, указал на пятого себя, дал команду «ша-гом», но отчеканил строевые только Чуча, и, махнув рукой, позволил солдатам идти как вздумается.

– Не рассыпайтесь только в горех, – попросил лейтенант.

– Мы надолго?

– Да нет, – бросил Татарин, – к вечеру сменят.

– А если мы прямо сейчас его найдем? Зэка этого? Сразу вернемся?

Татаренко промолчал. Он знать не знал, что делать, если... И всячески надеялся, что обозначенное время пролетит в два щелчка.

«Ничего страшного, – успокаивал себя, – походим, воздухом подышим. Там, глядишь, и смена придет».

Он пытался вспомнить хоть какие-то изречения великих полководцев, которые обычно воодушевляли его на просветительский подвиг молодых солдат. Но голову как отбило. Все забыл.

Костя знал, что лейтенант очкует. Догадывался и Летчик, но молчал. Чуча вообще не следил за разговором. Молча шагая вслед за Татаринцом, думал о чем-то своем. Пеленал рассвет. Хотелось укутаться в домашнее одеяло и не просыпаться до конца.

А лес тем временем ждал.

Шуршали лапами бархатные ели, пропускали первые апрельские лучи обнаженные ветви тополей, чиркали стволы берез известными красками жизни, и Костя знал, что черная полоса обязательно кончится и спустя месяц он сам заслужит долгожданный белый цвет.

Они миновали КПП, прошли сколько-то по асфальту, и могло показаться, что свобода уже рядом. Отдалялась колючая проволока запретной части, мельчали часовые вышки, и пахло иначе, хотелось, по крайней мере, дышать.

– У тебя есть? – подмигнул Костя.

– А то ж, – улыбнулся Летчик.

До полного счастья оставалось несколько глотков разбавленного спирта. Не будь рядом Татаренко, Костя сейчас же попросил бы Летова разлить, чтобы всем своим поганым существом отдаться чужому лесу, не знающему верной солдатской тоски.

В окружении высоченных стволов, где утренний ветер завывал девичьим голосом, посвистывая и звеня, лейтенант определил место. Он расстелил плащ-палатку.

– Чего стоите? Здесь и будем пока.

Нес он беспробудную пургу, будто хотел заговорить осевший внутри страх. Но чем больше говорил, тем чаще оборачивался. Хруст веток, шелест птиц, кашель вечно простуженного Ксивы – все добивало трусливого летеху.

Костя отыскивал бесформенную опору пня. Он рассчитывал бахнуть спиртовочки и выпастся, прежде чем новая смена соизволит их заменить. Вытянув уставшие ноги, кивнул Летчику. Тот агакнул как бы невзначай и зашуршал в вещмешке.

– Товарищ лейтенант, будете? – показал бутылку.

Костя загоготал, а Ксива с Чучей усталились на Татаренко.

– Откуда у тебя? – спросил летеха, что, в общем-то, было не важно. Наверное, действительно стоит выпить, – убеждал себя лейтенант.

Летчик пить не особо любил, но ценил алкогольную движуху с туманной круговертью и кажущейся простотой. Он понял, что забыл кружку, и протянул бутылку Татаренко.

– Давайте, после вас.

Лейтенант не стал отказываться, плюнув на офицерские принципы. Он поднес к губам пропитанное, словно росой, горлышко и, сделав порядочный глоток, зажмурившись от предстоящего огненного кайфа, хотел блаженно выдохнуть. Не смог.

Вскочил Костя. Хватанул бутылку Летчик. Присел на корточки испуганный Ксива.

Раздался протяжный звериный крик, и Чуча, как в нервном припадке, затряс головой.

3

Дембель кричал «подожди», но Костя шел, не останавливался, будто не слышал. Он двигался на фонарный свет, к проходящей дороге.

– Ты куда?

– Кошке на «муда». Знаешь, где это?

Дембель знал и не ответил.

– Ты чего, очканул? Подумаешь, менты.

– Слушай, – повернулся Костя, – чего тебе надо? Ты кто вообще такой? Что ты за мной прешься?

– Да ладно, – махнул дембель. – В се правильно сделал. С ментами лучше не связываться. Проблем и так хватает.

Костя упорно двигался к свету. Где-то должны быть жд-кассы. Нужно взять билет на следующий поезд. Сплошная темень, разряженная твердым ноябрьским холодом, пугала.

Шли молча. Дембель то и дело пытался заговорить, спросив, по крайней мере, куда так уверенно шлепает Костя, не обращая внимания на свежую грязь, покоровшую нескончаемый голый пустырь. Фонари держали оборону, не подпуская парней к дороге.

– Твою же мать, – выругался Костя.

– Слушай, ты меня, честное слово, извини.

Костя оглянулся, пытаясь хоть что-нибудь рассмотреть сквозь туман. Отдаленный гудящий звук подсказал, поезд ушел. И ничего не поделаешь.

– Куда мы идем?

– Тебе не все равно? Можешь идти куда хочешь.

– Ты один не дойдешь.

– А ты знаешь, куда мне идти?

Наконец усохла грязь, и показался асфальт. Через один горели фонари.

– Допивать будешь? – показал дембель тронутую банку.

– Слушай, ты не понял? Пошел отсюда на хрен.

– Понял. Понял, – улыбнулся дембель и неслышно хохотнул.

Пронеслась на запредельной скорости случайная легковушка. Раздраженный Костя, проклиная пьяного попутчика, еле успел отскочить на обочину. Прогудел запоздалый сигнал. С завистью он проводил мельчающий свет задних фар, подумав, как хорошо бы сейчас было прыгнуть в салон и наверстать упущенные километры.

Колотил дубак, и вот-вот начиналось утро. Густое небо нехотя разбавляло черноту водянистой проседью. Крапал мимолетный дождь.

Все-таки зря он вышел.

– Сидели бы сейчас, чай пили, – проронил дембель.

Косте хотелось драки. Он решил, что перестанет вообще применять физическую силу, как только покинет армейские трущобы. И в принципе держался как мог. Правда, несколько раз пободался с местной шантрапой, и то по пьяной лавочке.

Драться он любил. Нравилось чистить лица и самому получать. Так выбитый армейский зуб подарил ему не только уверенный соленый привкус, но и чувство, сравнимое с мужской утехой, а припухший глаз и преследующая несколько дней мутная пелена вторили – ты живой, живой.

Потому, прежде чем ударить оборзевшего дембеля, он спросил:

– Ты нарываешься, да?

Со словами «ладно тебе, братуха» дембель охотно хлопнул Костю по плечу. Костя хлопнул следом, но чиркнул кулаком шею и без особого желания задел подбородок.

Она должна была прозреть, эта бешеная дембельская сила. Вспомнил вчерашний солдат, что такое телесная боль, когда горит лицо и режет глотка.

Костя дал по ногам, и дембель пошатнулся. Тот прописал, не раздумывая, в лицо, и, кажется, сместилась раздолбанная перегородка носа. Они сцепились и долго не уступали друг другу, пока шея дембеля не оказалась сжатой в здоровые Костины ручки. Дембель вырвался и цапанул налетчика за шкибот. Шатаясь, рухнул, потянув за собой Костю. Они барахтались на асфальте, словно два оголенных провода. Стоило сомкнуться, как повторялся боевой приступ, кровь проступала, туман проседал в голове.

Было хорошо. Костя улыбался. Заслуженная боль освежила. Теперь он мог думать, оставив нетипичную злость в ссадинах на дембельском лице.

Заметили на дороге остановку. Дышали часто, сраженные взаимной силой. Дембель протрезвел. Похлопав по карманам, понял, что кончились сигареты. Не стал спрашивать, а глубоко промолчал в надежде, что сейчас вот он отдышится и что-нибудь обязательно придумает.

– На, – протянул пачку.

Курил в тишине. Костя изучал табличку с расписанием рейсов. На выцветшем фоне еще виднелось вечернее время единственного маршрутного автобуса.

– Не дождемся мы никакого автобуса, – сказал дембель, докурив.

До приятного хруста размял он шею, щелкнул пальцами.

– Ты самый умный, что ли? Что ты предлагаешь?

Он кое-как уловил сигнал и загрузил дохлый браузер на телефоне. Следующий поезд должен идти через сутки. Костя не хотел сдаваться. Он мог бы подождать, но вот Леха ждать не будет. Точнее, родственники Лехи. Леха-то что. Он теперь любого дождет.

– Можно пешком до какой-нибудь станции. Но идея так себе, если честно.

– Слушай, – заговорил Костя. Говорил он тихо, в надежде, что раздолбанный службой дембель лучше уяснит, если будет вслушиваться. – Слышишь? Мне надо уехать. Чем быстрее, тем лучше.

– Я уж понял. Ты думаешь, я не понял?

– Понимаешь, мой армейский друг, – задумался Костя, – товарищ мой армейский. Понимаешь. Он умер. Его убили вроде бы. Я точно не разобрался. И вот надо мне доехать. Вся эта церемония. Честно говоря, не особо мне хочется ехать. Я бы не поехал. Но матери его обещал. Там приедут все, кто служил. Не все, конечно. Так, несколько из нашей компании. Ты же понимаешь. Это армейский друг. Служили вместе.

И зачем он рассказывал это дембелю. Немая пустота проступала сквозь ночь, и будто бы не было вовсе никаких слов.

Дембель перестал кривляться. Попросил еще сигарету. И Костя тоже закурил.

– Хочешь, вместе поедем?

– Давай, – согласился Костя, не раздумывая, – может, мне твоя помощь потребуется.

– Помощь? Какая?

– Да есть одна идея. Если согласишься, я в долгу не останусь.

Костя не хотел пока рассказывать.

– Если, конечно, не боишься.

– Да никого я не боюсь. Расскажешь?

– Слушай. Давай сначала придумаем что-нибудь. Давай сначала доберемся.

Он снова забыл, как называется очередная российская глушь, но билет не стал доставать, потому что поезд ушел, и все такое.

Затараторил дождь. Разбиваясь о железный навес, капли монотонно причитали:

«Что же ты, Костя, за друг. Что же ты, Костя, за товарищ».

Тук-тыщ, тыщ-тук. Друг и товарищ. Товарищ и друг.

Дембель поднял воротник бушлата, но дождь все равно моросил на шею.

– Я даже не знаю, что делать. Надо подумать. Ты вот сам что думаешь?

– Не знаю. Ты сам далеко живешь? Где твой дом?

– Да нет у меня никакого дома, – отрезал дембель.

Теперь уже Костя догонял дембеля, который шел так быстро, будто скорость движения могла заполнить пропасть между вечной памятью и лишними вопросами.

Костя хотел уточнить про дом: куда-то же ехал дембель, – но проснулся телефон. Снова появилась связь.

Пропущенные вызовы от Ксивы, неизвестные номера, снова пропущенные, уведомления о роуминге от оператора, реклама, мама... пропущенные от мамы. В глубине входящих сообщений он отыскивал родную весточку:

«Костенька, сынок. Что же ты опять натворил. Приходили сотрудники в форме. Про тебя спрашивали. Я им все рассказала. Про друга твоего. Сынок, ты мне напиши, все ли в порядке. Ты мне пообещай, что все будет хорошо».

Повсюду мама ставила многоточие. Костя знал, эту пробельную недосказанность мать заполняла слезами.

– А как убили твоего друга?

– Да я не знаю пока что, – ответил Костя и мысленно поставил три жирные точки.

Домой он возвращался героем. Сам-то, конечно, никаким героем себя не считал. Но мать не сводила глаз с повзрослевшего, да что там, возмужавшего сына, и все носилась кругами, чтобы, не дай бог, не остался голодным. Вот и пирожки, а вот картошечка, на ужин – пельмени, домашние, как любишь.

Она попросила никуда не вляпаться, потому что знала Костю и его замашки. Подкрепленный армейским недугом характер должен был проявиться, заиграв резким цветом бесстрашной пиксельной рамки.

– Наследственность плохая, – опасалась мать.

Костя пообещал, что все будет хорошо. И сейчас он свободен, как никогда. И уже завтра найдет достойную работу и станет получать хорошие деньги, потому что – все, теперь все прошло. Дороги открыты, жизнь впереди.

– Твой брат тоже так говорил.

Костя обнял мать, и та поняла, что младший сын – другой и действительно ничего страшного не случится. Наконец она может спокойно жить и знать, если наступит завтра, никто не заберет ее любимого мальчика.

По крайней мере, она хотела верить.

Завтра, через неделю, спустя месяц, в какой-то момент перестал он искать работу. Одни требовали вышку, вторые – опыт, третьих смущал армейский вакуум.

«Вы, наверное, из жизни выпали. Тяжело придется».

Костя понял, что консультантом в банк его не возьмут – нужен внешний вид и грамотная речь. Рискнул пробиться в строительный холдинг, там требовался кандидат в службу безопасности. То ли не таким здоровым, то ли не настолько крученым оказался Костя, что сразу его не приняли, но пообещали перезвонить. Тогда, не дождавшись, проработал недели две охранником в сетевом алкомаркете, но после первой же ревизии, когда недостачу повесили на всю дежурную смену, Костя ушел.

Работал он хорошо и старательно, но денег за это не платили.

Потому, когда встретил Старшого, не раздумывая, решил устроиться в его контору.

Старшого он уважал. Старшой дружил с его братом, пока тот еще гулял на свободе. Мать говорила, что по Старшому тоже плачет тюрьма.

– Ты бы с ним не общался, Костя.

Но Костя не просто общался, а считал делом чести продолжить товарищество. Старшой своими делишками рубил хорошие деньги.

– Жить вообще тяжело. Но с деньгами проще.

Костя надеялся, что Старшой возьмет его на дело. По районным слухам, тот давно уже влился в местную группировку и следил за какими-то кафешками и магазинами.

– Полет мелкий, но с чего-то надо начинать.

Город много лет крышевали то ли армяне, то ли чеченцы, а потом появились ниоткуда молодые ребята с большими амбициями и достойной физподготовкой. Не самый крепкий, но самый выежистый, Старшой влился в молодой дружный коллектив и через полгода сел за руль модной «Приоры», а потом купил себе новую «Камри».

О такой жизни мечтал Костя.

– Осторожней там. Я после чистки, – предупредил Старшой, когда Костя плюхнулся на заднее сиденье.

– Ладно, че ты.

– Да я шучу. Ну, как сам?

Старшой скалился выбеленной улыбкой. По малолетке он ходил беззубым. Как-то родители скопили денег и подарили ему на день рождения поход к стоматологу. Дорогущие импланты выбили в первой же драке. С тех пор подарки Старшой не любил, но с уважением относился к простой человеческой щедрости.

– Да ну как... Работу ищу. Не очень, правда, получается.

– Тебе нужно головой работать, – ответил Старшой. – Ты вроде парень-то неглупый.

– Я и руками могу. И ногами, если что, – всячески намекал Костя, что готов к любым поворотам своего профессионального пути.

– Ногами? – улыбнулся Старшой. – Ну, смотри сам.

Старшой искал ребят для новых дел, и в принципе Костя подходил по всем параметрам: здоровый, молодой, упрямый.

– Ты, Костян, вообще запомни. В наше время никому нельзя доверять. Если есть возможность, лучше все делать самому.

Костя легко бы оставил в мутном армейском прошлом коллективный дух товарищества и братского единства. Он бы мог доказать, что готов поработать и бесплатно, лишь бы взяли и платили потом.

Но Старшой знал, что такое деньги. Он также помнил, что такое безденежье, и старался хранить в памяти чувство голода и растерянности, когда не на что купить даже паршивую пачку сигарет.

Костя ждал указаний, а Старшой все тянул и тянул.

– Короче, давай я подумаю. Поспрашиваю, может быть, найдем что-нибудь. Ты что вообще умеешь?

– Я? – растерялся Костя и понял, что, в общем-то, ничего не умеет, но готов научиться чему угодно. – Я не знаю...

– Ты пойми. За деньгами нельзя гнаться. Не все решают деньги. Это все утопическая шняга.

Откуда Старшой понабрался таких слов, Костя не знал, но считал, что хорошая денежная жизнь сама выводит на какой-то новый уровень, в котором жить иначе просто невозможно.

– Может быть, с кем-то нужно разобраться? Я бы мог, – не выдержал Костя и напрямую спросил.

– Разобраться? Что значит разобраться?

– Я думал... – не знал он, что сказать.

– Не торопись. Успеешь. Ты пойми, я бы тебе прямо сейчас что-нибудь поручил. Надо подумать. А ты что, прямо можешь кого-нибудь... Ну, ты понял. Ты вообще понимаешь, что это не совсем законно.

– Понимаю, – ответил Костя, и Старшой поверил.

– Я обещал твоему брату, что тебя не оставлю. Как он, кстати?

– Да не знаю. Сидит.

Старшой уставился в окно и долго молчал, наблюдая, как стая дворовых собак потрошит мусорный пакет. Отходы разлетались по тротуару, до упрямого шелеста разрывал упаковку ветер.

Так бы и сидели, тербели слух, бодяжили прошлое. Старшому позвонили, и тот засуетился, зашуршал в карманах, спешно записал на ладони какой-то адрес.

– Слушай. Времени мало. Давай я тебе на днях позвоню. Они простились.

Костя чувствовал, что все получится.

На последние деньги он купил дорожный вискарь и опьянел с первых же глотков. Сидел на каких-то завалинках у каких-то гаражей и, казалось, сам уже не понимал, где находится. Он покорно смотрел под ноги и не верил, что может теперь делать все, что захочется. Никакой армии, никакой уставщины, никаких шакалов и дембелей.

Еще бы пробиться к Старшому, вот тогда бы началась жизнь.

Возвращаясь домой, пьяным и свободным, он случайно пнул какую-то бляшку. Задержался, поднял, и в руках заблестел баллончик с краской. Таким – ну почти таким – он красил забор в части. Списанные распылители пустили тогда на всеобщее воинское преображение. Запестрили зеленым скамейки и турники, двери в казармы и даже бордюры возле мусорки.

Он осторожно пшикнул на руку, и розовым шлейфом покрылась ладонь.

Зачем только взял этот баллончик.

Как назло, он свернул раньше и оказался возле районного военкомата. Вытянув пушку, таранился у входа беззащитный танк. Гордо покоился на мертвых гусеницах, не смея возразить счастливому Косте.

Теребя в руках баллончик, он вдруг подумал о Денисе. Ему бы стоило думать о матери, прежде чем делать первый росчерк. Только вот о матери всегда вспоминаешь потом, когда уже поздно.

Показалось, конечно, что раздался голос брата, но пьяный Костя понимал – так говорит с ним алкоголь. А если вправду появился бы Денис и сказал «Немедленно иди домой», Костя все равно бы не послушался.

Он знал, что брат сидит за дело. Вальнул кого-то в переходе, отнял деньги и получил законные восемь лет. Квалифицировали как разбой, хотя Денис считал, что никакого разбоя не было. Так, легкий вред здоровью и обычная кража.

Мать заботливо отмечала в календаре каждый день, но где-то на четвертом году перестала, и то потому, что забрали Костю, и жить (считай ждать) стало неведомо.

Костя не видел брата с начала отсидки. Он помнил суд, но брата на нем почему-то забыл. То ли специально тогда сторонился, лишь бы не увидеть его отекавшее лицо и глубокие потерянные глаза, то ли сейчас решил проститься с теми воспоминаниями.

После второго росчерка он представил себя на месте брата и захотел убежать. Боялся, что загребут мусора и придется тянуть очередной срок, но уже не армейский.

Что-то держало его. Подожди, одумайся, сынок.

Он вспомнил, как однажды в армии комроты отправил провинившихся за самовольный перекур солдат начищать колеса огромных КамАЗов. Скорее всего, КамАЗы были вполне обычных размеров, но величие их перед никчемной затравленной солдатней удивляло.

«Перед вами стоит важная задача – придать блеск и чистоту опоре и основе наших защитных бронемашин», – убедительно воодушевлял командир.

Но не было никакой брони у этих долбанных КамАЗов.

И будь возможность, каждый из солдат выцарапал бы на двери или штампанул на том же колесе что-то вроде: «ДМБ-14» или «Армавир – навсегда».

Кто-то достал самодельную заточку, без которой передвигаться по части – почти смерть, и стал царапать, и вот почти появился зародыш буквы. Но нет. Никак нет. Ни в коем случае. Не потому, что страшно, что пришлось бы, в случае командирской облавы, умирать в нарядах или вовсе, не приведи бог, попасть на вахту за причинение ущерба госсобственности. Никто, ни один солдат, самый зашуганный или борзый, старый, молодой, самый обычный или мазанный капитанскими звездами, – не мог потревожить святую воинскую мощь.

Но теперь Костя был готов. Он был свободен, а значит, непобедим. Он был пьяным, в конце концов, и никто не мог его наказать. Во имя проклятых армейских командиров, за новую достойную жизнь, ради брата, будто бы в знак мести, окончательно поборов проснувшийся страх, долго и упорно шипел он розовым.

Танк безропотно молчал.

Брат тоже отказался от дачи показаний и лишь наблюдал сквозь решетку за высохшими матерями: своей и матерью того фуфлыжника, который перешел ему дорогу. Сраженные общей бедой, женщины по-разному чувствовали наступившее горе. Одна не хотела жить. Другая думала, как жить дальше.

«Костенька, сынок, только ты у меня остался».

Если бы он вспомнил про мать, случилось бы страшное. Может, кончилась бы краска, отсохли руки, уехал бы оживший танк.

Но Костя не вспомнил.

Уходил спокойно, не какими-нибудь киношными дворами, а самой прямой дорогой, с перепачканными руками, кипятком в груди.

– У тебя все в порядке? – спросила мама, когда Костя не стал завтракать, а курил в окно одну за другой, третью за второй. – Ты очень много куришь, сынок.

Костя не отказался бы пропустить домашней настойки, но пить на глазах матери не мог. Он следил за улицей и, услышав стройный вой полицейской сирены, готов был бежать к Старшому, узнать бы только, что делать дальше, куда прятаться, как скрыться.

Старшой долго не брал трубки, а потом прислал сообщение с просьбой перезвонить. «Пока не узнавал. Я сообщу, если что».

К вечеру в районной газете вышла заметка «Розовый Т-34».

– Ты видел, видел? – радовался Костя. – Я тебе говорю, Старшой, мне ничего не страшно. Возьми к себе работать, а?

– Да тише ты. Твою же мать.

Они встретились в новой кальянной. Костя впервые дымил проспиртованным молоком. Старшой глубоко вдыхал, лицо его то и дело скрывалось в плотном густом пару.

– Ты вообще забудь про эту ситуацию. Меньше трепи – больше дела.

– Понял-понял. – Костя говорил с паровым облаком, не в силах рассмотреть глаз Старшого.

– Зря ты, конечно, полез. Там, скорее всего, камеры. Сейчас везде глаза понатыканы.

– Да я выпил просто, – признался Костя. – Может, еще по пиву?

– Некогда, Костян, пиво распиивать. Ты мне скажи лучше, как там брат?

– Не знаю. Надо ему написать, наверное. Я ни разу не писал.

– Ты напиши, чего же. Брат все-таки. А у матери не спрашивал про него?

– Да так, не особо. А чего спрашивать. Спрашивай не спрашивай, все равно сидеть.

– Ну да. Ну да, – бубнил Старшой, – ему сколько, два с половиной, что ли, осталось?..

Он расплатился, предупредив, чтобы Костя не палился. Лучше вообще не выходить из дома. Туда-сюда. А насчет работы он узнает. Все будет нормально.

– Это, Костян, – с казал Старшой на прощание, – узнай, как у брата дела. Напиши ему. Скажи, я интересовался. Мне же не все равно. Пусть знает.

Он пытался написать, но выходило так себе, будто брат отбывал наказание, совершив благо, а не особо тяжкое преступление. Ему бы стоило сказать, что вот вернулся, отслужил, все нормально. А получался волнующий треп, вроде как ты потерпи там, мы тебя ждем.

Мать сказала, что брат периодически звонит с разных номеров, а писанина не имеет смысла. Все равно администрация вскрывает конверты и зачитывает чуть ли не вслух каждое письмо.

– Надо к нему съездить, – сказала мама.

– А можно?

– Ведет он себя неправильно, Костя. Я уж сколько пыталась, а он там распорядок нарушает.

– Авторитет наработывает.

– Авторитет? Наверное, сынок, я уж не знаю. Может, заплатить кому. Да вот кому только, – задумалась мать, – да и заплатить-то...

Она не договорила, но Костя понял, что лишних денег сейчас нет, и почувствовал вину. Тогда он позвонил Старшему, и тот вновь попросил подождать.

«Я же сказал. Не все от меня зависит. Жди».

В конце месяца, возвращаясь домой после очередных поисков работы, Костя достал из почтового ящика повестку о вызове в РОВД.

Жизнь продолжалась.

4

Может, и не крик вовсе разразил молчащий веками лес, а засвистели птицы или неведомый солдатам зверь так встретил очередную заслуженную весну. Утих трепет голых веток, задержал дыхание утренний ветер, и никого не осталось, кроме Вермута и Летчика.

Татаренко забрал водку и скомандовал разделить на две группы.

– Проредим территорию. Не нравится мне это.

Костя отказался идти без алкоголя, но Татарин ответил коротко:

– Я тебя, щенок, нарядами загружу.

Летчик взял ошалевшего Костю под руку и повел в понятную неизвестность, где стволы гордых деревьев то и дело преграждали путь, клонясь от вечной усталости к родной матушке-земле.

Чуча поверил в счастливую армейскую судьбу. Сперва ему разрешили остаться на стреме, но обезумевший от случившегося расклада Татарин, не успев уйти, отставил команду и вновь бросил рокировку, заменив черпака на Ксиву. Так Чуча убедился в своем ничемно-хрупком существовании, а Ксива послушно хлопнулся на землю и скоро задремал крепким непродолжительным сном.

Татарин шел осторожно. Опустив голову, он искал под ногами ответ на вопрос, который не мог задать, но знал, что руководство обязательно подыщет нужную формулировку и при любой возможности обезглавит его умную трусливую голову.

Чуча держался в стороне.

– Не отставай, – твердил Татаренко, словно шел уверенно быстро, а не плелся с покорившей колени дрожью.

– Так точно.

– Глотай сочно, – вновь проснулся в лейтенанте язвительно-жгучий треп, – либо «есть», либо «никак нет». Но в твоём случае только – есть.

– Есть, – промямлил голодный Чуча.

Татарин бессильно матерился. Нужная злость дремала в его добром сердце. Попробуй разбуди офицерского зверя – ведь должен тот проснуться в такие вот моменты, когда только дикий рев может сразить противника, а не эта попутная вежливость, командирское слово, неписанный боевой дух.

Он взял Чучу с собой, чтобы вернуть того целым и невредимым в расположение. Всяко лучше, если молодая черепушка рванула в невидаль, оставь ту на милость покорившей рассудок свободы. Татарин и сам сбежал бы, да только вот пятилетний контракт обязывал трубить, а мысль о военной ипотеке искушала, как вырванная с боем бутылка.

– А мне можно? – рискнул Чуча.

– Можно за хер подержаться, – ответил Татарин.

Разбей группы правильно, пусти молодняк со старшим, возьми с собой Летова или Костю, вышел бы совместный бухой перегон. Осел бы страх, и стало безразлично хорошо настолько, что попадись ты, сбежавший потрох, откинулся бы на месте.

Через силу Татарин сделал глоток, занюхал в рукав, прокашлял и пошел дальше. Чуча усмехнулся, представив, как бы он пил, подари ему право на минутный гражданский отдых. Стояли пред глазами долгожданный дембель и накрытый стол, поднятый по случаю праздника хрусталь, огурчики маринованные, селедка под шубой. Так замечтался бедный Чуча, что не услышал слов лейтенанта и уверенно пошел вперед к невозможной по сроку мечте.

– На месте! Твою же душу! – грохнул наконец Татарин, и Чуча вернулся в прежнюю солдатскую серость молодого апрельского леса.

Лейтенанта накрыл алкогольный саван. Размякли ступни, заискрило цветной стружкой в глазах. Разнылся голодный желудок, заставив опуститься на корточки. Поймав равновесие, не разгибаясь – лишь бы утихомирить спиртованную власть – он объяснил:

– Я тебе орать не буду. У нас тут задача. Нельзя тут орать. Ты мне перестань самовольничать.

Чуча закурил и протянул Татарину сигарету.

Едва слышное спасибо выдал лейтенант и позволил табачному дыму окутать себя мнимым защитным шлейфом. Когда успокоился топот сердца и виски перестали жать, он поднялся кое-как, хватился за хрупкую ветку и, поймав равновесие, шагнул за дерево и за другое и, уже не видя Чучу, приказал тому сидеть на месте.

Лейтенант зажурчал. Мочился он, как школьник, поглядывая по сторонам, будто нарушал установленный запрет, словно лес мог рассердиться, приметив, как отливает Татарин на его непорочной территории. Блаженно откинув голову, заметил пепельное небо. Оно смотрело на него свысока, равнодушно пуская по ветру густеющие тучи. Не спрятаться, не скрыться. Лейтенант зажмурился, добив остатки, тряхнул не глядя и, еле справившись с уставной застеежкой на штанах, пошел обратно.

Ему бы не стоило открывать глаза, точнее, открой их, показалось бы, что лейтенант по-прежнему где-то в своей личной темноте, уютной незримой камерке, только лес шумел тишиной и крадущимся скрежетом юной травяной поросли.

Он снова закрыл глаза, протер их ладонью, но если сон только подкрадывался, заменяя усталость, то явь жила и побеждала. Не своим шепотом, лесным дыханием, он спросил кого-то: «Чуча?», и, когда Чуча не ответил и стоило уже кричать настоящим офицерским басом, Татарин вдруг понял, что не знает и фамилии черпака, а уж имени – подавно.

«Чуча! Твою мать! Чуча!..» – Лейтенант кричал, перебивая волны эха, но Чуча не откликнулся и сам, казалось, уплывал вместе с гулким звуком.

Татарин растерянно посмотрел в небо, как если бы Чуча мог оказаться на нем, в его серой дымке с размазанной камуфляжной краской. Лейтенант бы спросил, что теперь делать, но не верил в небесную власть, да и небо обязательно промолчало, кутая лес пасмурным саваном.

Когда сделал круг, когда сколько-то прошел туда и обратно, не потерять бы след, заметив, что вещмешок с сухпаем тоже исчез, он позволил все-таки признаться, что Чуча смотался. Сел на прежнюю землю, потянулся за добавкой к уходящей силе, но и бутылка ушла, не попрощавшись. Закрапал дождь, намокло лицо, компенсируя возможные слезы. Ну ладно, две или три гордые офицерские слезы.

Он уже хлопнул по карману и полез за телефоном, решив доложить о случившемся, напрямую сообщив ротному, но так и не смог подобрать оправданий, да и связь кромсала сигнал. Покрутив мобильник, в который раз пожалел, что не выдал телефоны Ксиве и Летчику, и, решив сдаться, укусил манжет и закричал непростительным бабьим ревом.

И лишь тогда он был счастлив, что остался один и никто не видит, как добывает изнутри стойкий нервяк, превращая офицера в половую тряпку, которой и полы не вымоешь в сортире.

Простонав и выслушав, как режет дождь набухшую землю, он решил вернуться на точку, где нес дежурство Ксива. Екнула надежда, что Чуча мог быть там, ведь некуда бежать из леса. И так приветлив стал ветер, что ноги понеслись, как при свежем дыхании на последнем километре марш-броска.

Небо мчалось за ним. Бежала одинокая тропа. Завистливо тянули ветвистые пальцы молодые деревья, не в силах сдвинуться с места. Ожившие стаи птиц выпорхнули, как лесные стражи, и где-то застыли вновь, не успев захватить офицерскую суету. Донесся колокол ручья, а после застучало под ногами – рухнуло одеяло веток, согревавшее тополя всю минувшую в память ночь. Случайно стрельнула из неба лучистая пыль, но тут же затянулась прежней хму-

рю, и преградила путь уснувшая насмерть, когда-то павшая от старости, стать громадного ствола.

Запыхавшись, Татарин остановился. Неведомая сила, угрюмо задышав, пустила ему навстречу густую охапку тумана. Зачем-то замахал руками, чуть не слетел с плеча автомат. Из рта выпорхнула струйка пара, и сам лейтенант чуть не растворился в спирали воздушных мощей.

Он хорошо бегал в курсантские времена, а теперь, засидевшись в кабинетной тесноте, с красками и стенгазетами, забыл, как скоро забиваются икры ног, как столбенеют ступни и деревенеет тело.

Оглянулся, закурил. Курево ушло с Чучей, но валил изо рта кулачный пар, и пахло табаком. Совсем не табачная дурь нахлынула вдруг, булькнула с издевкой случайная мысль – ты теперь совсем один, и стало страшно настолько, что страх уже не проступал, а зажил внутри лейтенанта.

Ему не показалось. Одинаково безразличными стали деревья, крестами закружились тропы, тонущий в пропасть овраг остался позади, а куда идти дальше, лейтенант не знал. Он было крикнул с надеждой «ау», но ударение пало на первый звук, и нелепость окончательно покорила бедного Татаренко.

Показалось, что ли, может, впрямь услышал голоса. Нет же, никого. Лишь ухнул вдали птичий трепет.

– Так нельзя, – говорил вслух лейтенант, – я же солдат, я же офицер, твою же мать.

Он говорил и говорил, словно кто-то мог услышать его и поддержать разговор. Иногда ему казалось, что и впрямь доносится ответный скрежет с неразличимых уст этих бесконечных деревьев.

Лейтенант не знал, что лес действительно говорит с ним и, подбадривая ветер на кружево, сводит офицера с ума.

С высоты вековых деревьев он видел Татаренко. Осторожно ступал за лейтенантом, игриво подталкивая в спину, вроде иди же, иди. Татарин куда-то шел, а вместе с ним разливалась дорога, вторая и третья, и некуда, в общем-то, было идти. Стоило лейтенанту сделать шаг, когда вроде бы узнал вон тот случайный камень или поваленное дерево, как рождалась чащоба и бил в невидимой дали упорный клич родника. Потом открылась голая полость земли, и Татарин наконец вспомнил, что именно здесь еще час назад он шел с пропавшим Чучей. Казалось, что в сером облаке земляного пара он уже видел Ксиву, но птичье улюлюканье, налетевшее стайей на глубинную тишину, разрывало мнимую близость, и все повторялось опять и опять.

Лес хохотал, и смех звенел, закладывая уши Татаренко. Лес умывался росой, и расплывался в глазах офицерский мир, мутнела картинка, пелена заматала след. Лес наслаждался предстоящим цветением весны, и задышался в ответ лейтенант.

Лес ошибся, подумав, что Татаренко обнаружил его. Лейтенант, повинуясь уставным приказам, сам себе скомандовал «кругом», развернулся через левое плечо и рванул в обратную сторону. Добежав до прежнего камня, сиганул влево и заметил вялый ручей, тогда снова бросился назад и гонял вокруг да около так, что лес перестал петлять дорогу, не зная, куда может рвануть обезумевший Татарин.

И лишь, когда Татарин опять перешел на шаг, когда неизвестность победила, опустив того на землю и заставив просто быть, лес понял, что человек не изменился, человек не смог его одолеть, человек остался человеком.

Наверное, стоило Татаренко вовсе лечь пластом, слившись с древесной падалью, и лежать так, пока тело его не врастет в землю, не пустит корни и само не прорастет стволом, не распушит крону, не коснется неба, не скажет лесу – я с тобой. Но лейтенант опять попробовал шагнуть. Идти ему нравилось больше. Да и лес не был готов принять офицера, а только рас-

смеялся с прежней силой, до узнаваемого грохота, звона и топота в груди, равнодушно махнул голой апрельской лапой и, задрав голову, бросил тяжелый взгляд на довольных дембелей.

Они шли, не зная леса, не задумываясь, как долго придется идти, прежде чем лес отпустит их, не готовых к вечной древесной тишине.

Костя подыскивал удобное местечко, такое желательно, чтобы не спалиться (хотя перед кем тут спалишься, перед деревьями, что ли?). Обрадовал же Леха, что прихватил на базе еще бутылку. И когда волнистые холмы сменились на ровные полянки и наконец зарядили сосновые столбики, Костя обозначил позицию – здесь самое то.

– Ну вот, зря психовал. – Довольный Летчик достал бутылку.

– И тушенка?

– Обижаешь.

– Скажи ведь, что Татарин охамел все-таки. Не ожидал, конечно. Ты вот думаешь, он прав?

– Да какая, братан, разница? Нам домой скоро. Пусть хоть ошакалится в корень.

– Твоя правда, – махнул Костя, – ну че, здоровы будем?

– Здоровы будем, бояре, и все ваше, кореша.

Пацаны рассмеялись. Смех лился живой и неведимый и почти касался гражданки, звенел надеждой в лучшую жизнь. Они выпили быстро и по-мужицки не закусывали после первой, но не сдержались и все-таки хапнули тушенку.

– Так-то уже пили, – оправдался Летов.

– Ну, – протянул Костя, – заиграло в груди свежее тепло и захотелось жить.

Разливался по лесу безразличный тупой стук. Так, наверное, билось лесное сердце, но солдаты не думали об этом и разве что теребили в руках случайные прутья, сжимали в ладонях сырые ошметки земли.

– Ты вот как жить планируешь после армии?

– Я-то? – спросил Летчик, будто особо жить не собирался. – Да я не думал, если честно. Ну, как-как. Да как все, работу найду. Женюсь, ну, все дела.

– А я вот первым делом напьюсь, – выдал Костя и глотнул смачной добавки.

Лес поплыл, накрыл волной, но Костя и не думал тонуть. Только Летчик сидел с нетронутой молчаливой улыбкой и, видимо, наслаждался мыслями о светлом будущем.

Не о чем было говорить пацанам. За столько месяцев наговорились они от души, что и теперешнее молчание дышало своей какой-то словесной жизнью. Не напрягай язык, просто будь рядом и знай, что тебя понимают.

Шли долго.

Упрямо смотрели под ноги. Земля тарасилась в ответ. Она бы с удовольствием захватила парней в свою адскую пропасть, но лес не разрешал. Лес медленно плыл и наблюдал. Близорукый, долго присматривался, не различая Летчика от Кости, один камуфляж от другого. И не было меж ними разницы.

Леха часто представлял, как наступает война и как в первом бою несется он во вражеский упор, подрывая защиту, раскидывая на ходу одного за другим. Мелькнула первая воображаемая медаль, и заломило в глазах от света наградного металла.

Жажда подвига иногда поднимала его на ту запредельную высоту, до которой даже героический лес не мог дотянуться.

Лес плелся за пацанами и ветром щекотал Лехин затылок. Ветер играл и заигрывал и мог в одночасье исполнить Лехину мечту, но все думал, стоит ли толкать на встречу с солдатами недавнего зэка, беглого мужика.

Лес дышал, и ветер суетился. Прошедшая зимняя скукота насытила его до шквалистого края, и теперь он просто не мог дожидаться, когда, ну когда уже начнется привычная весенняя свиристель.

Ветер подмигнул, и лес ответил: потянулись ветви к густому небу, родниковые воды зашумели под лесной опорой.

Летчик заметил первым. Костя тоже разглядел почти сразу тощее тельце и похожую на свою, бритую голову, но решил, что забродил так алкогольный градус, выдав нежелательную картинку сбежавшего зэка. Летчик врос в землю, не двигаясь, он спустил с плеча автомат и заметил краешком глаза, как приседает Костя, не в силах справиться с такой вот встречей. Стоило, наверное, сказать что-то, перекинуться, по крайней мере, согласованным, что ли, взглядом, чтобы действовать совместно и уверенно. Но молча они смотрели, как прямо на них тащится мужик в уставном тюремном тулупе, пуская изо рта табачный ли, природный пар.

Костя эту монотонную робу сразу узнал. Он видел в такой же брата, когда тот тянул первый срок. Помнил белые полосы на рукавах и такие же в области ног – светом надежды сияли они в бездонной черноте униформы, а где-то под сердцем, на груди, блестела нашивка с фамилией.

Они бы разглядели обязательно фамилию этого лесного блудника, но так он стремительно двигался навстречу, что стоило, наверное, дать обратную и рвануть, куда только можно, куда ноги понесут, не нарваться бы на вышедшего, словно из спячки, зверя. Он видел солдат и чувствовал, как дрожит в затворе уже досланный патрон, различал частые рывки дыхания Кости и слышал, как в Летове просыпается сила, как топчется его дух, готовый броситься и победить.

Вспотевший не от страха – от подарка судьбы, – Летов почуял, что вот она, возможность. Бежать передумал, а только навел в сторону зэка уверенный ствол и скомандовал грубое: «Стой!»

Мужик остановился и, топчась на месте, нехотя поднял расслабленные руки. Без напряжения, почти зевая, смотрел на пацанов, терпеливо дожидаясь, будут ли новые команды, рискнет ли кто-то из солдат открыть огонь или вообще хоть слово сказать. Но слово сидело взаперти. Не готовое на побег, дожидалось часа, когда снимут с него оковы понятного страха.

Бледный Костя прицел не держал, он вовсе забыл, что вооружен, и только следил не мигаючи, как пялится дохлый зэк, как протягивается лыба на скомканном его, остром лице и гуляют игриво пальцы с намеком, что победа, как ни крути, останется за бывалым. Мужик распрямил правую ногу, отодвинув ту с заметным усилием, как если бы мучила боль или сводил перелом или вывих. Он пожал плечами, извиняясь за такой вот вынужденный поворот, покрутил ладонями, жестом объяснив, что не намерен дергаться, а готов при случае сдаться, гражданин начальник.

– Стой на месте, – повторил Летов, – ты кто? – спросил он, будто не знал, и не ждал, и не был готов к встрече.

– Дед в пальто и мать пихто, – оскалился мужик, низкий голос его гулкой трещиной кромсал неудобную тишину.

Замешкался Летчик, и Костя слышно сказал:

– Смотри не выстрели.

Летчик, не сводя прицельного взгляда, ответил:

– А чего так, чего бы не стрельнуть?

Между ним и зэком, в скольких-то метрах, теснилась твердая надежда, что сейчас вот он, сержант Летов, ухватится наконец за краешек настоящей медали за воинскую доблесть, и наградят его в огромном, может быть министерском, зале, где соберутся все, и сам Шойгу пожмет его маленькую руку и отметит глубину бесстрашной солдатской души. Он поравнял прицел с мишенью дощатой тюремной груди. Вспомнил, как учили на огневой подготовке обращаться со спусковым крючком.

«Как с женщиной, – учил взводный, – нежно и ласково. Аккуратно, мужики, с любовью».

Поглаживал Летчик стальную загибулину. И какая же тут любовь, думал он, если от нежности просыпается пуля и рвет наглухо живую плоть.

Но это не важно, это суета. Тогда на первой вылазке в боевую жизнь, когда учебный полигон казался разгромленным в щепки послевоенным городом, Летов стрелял по деревянным человечкам – те падали с мертвым покаянием, и гремел от радости командир: «Молодец, Летов! Давай дальше».

На следующем огневом рубеже он стрелял в ряд форматных А-4, пришпоренных канцелярскими гвоздями к стендам, выстроенным покорно для неминуемой смерти. Белые-белые, листы сами притягивали пули, несущиеся сквозь дым плотного воздуха, и комроты уже не хвалил, а гордо молчал, считая меткость Летова своей личной воспитательной заслугой.

О чем думал зэк, никто не знал. Может, лес даже не был в курсе, так уж задумчиво он молчал, удушливой казалась тишина. Может, сам зэк не догадывался, что способен думать в момент, когда наставлен на него прицел Калашникова.

И пока Летчик справлялся с дыханием – беспокойными волнами бродило оно без оглядки, – Костя вспоминал брата. Тот стоял перед ним, и черты его проглядывали в беглом зэке. А что, думал Костя, если брат побежит и нарвется вот так вот на двух раздолбайных солдат. Вдруг уже побежал и кроется где-нибудь в подземных трущобах, в подвальных оскоминах сырой гнили. А может, может, этот зэк и вовсе знаком с братом, вдруг вместе те сгущали черную масть в номерной ИК, борясь за свободный труд и право на режим. Он подумал даже, что ничем не отличается от них: уставная форма, ограниченное передвижение, кормежка почти наверняка такая же, эти командиры взводов, ощущение срока, время...

И так захотелось ему сейчас же прекратить застывшую паузу, что повторил:

– Ладно тебе, Леха. Отпусти.

Летчик не слышал. Он готов был выстрелить. Он мог бы, наверное, убить и не задуматься, что случится после. Зато Костя откуда-то знал, что такое смерть, будто видел ее – живую, словно сам был виновником чьей-то смерти.

Потянулся ладонью к стволу, и Летчик, сдавшись, сиганул россыпью мата.

Костя махнул зэку:

– Иди давай. Быстрее! Уходи!

Зэк опустил правую, за правой опустилась левая. И все внутри опустилось сперва у Кости, потом у Лехи. Опустилось, защемило и зажгло где-то в животе, дернулось в коленных чашечках, мякотью застыло в ступнях, а после хлынуло жаром. Захрипел зэк, кивнул и, не разворачиваясь, потопал спиной вперед, да так уверенно, будто раскрылись глаза на затылке или старый лес раздвинул ручищами стройные деревца, освобождая зэку незримый спасительный путь.

Летов долго еще смотрел на мельчающего зэка сквозь дрожащий кругляшок прицела. Он обязательно решился бы на выстрел, не будь рядом Кости. И сам, если честно, не понял, почему не стрелял.

Залил дождь. Так лес ревел от счастья. Пуля не пронзила лесную тишину, не ударил огнем отблеск свежей крови, жив остался человек, человек остался человеком.

– Извини, братан.

– Да пошел ты, – психанул Летчик.

В награду ли, от радости победы, лес размочил невидимые тропы, пустив к пацанам Татаренко. Он плакал, бедный-бедный лейтенант, и, втирая слезы в опухшее лицо, заметив издали родных сержантов, бежал к ним, не веря своему счастью, не веря вообще, что счастье может быть настолько внезапным.

5

Его сначала не пустили. Разрешили постоять возле турникета. Неприкаянно таращился на стенд с фотографиями руководящего состава. Седой полковник, поджав губы, глазел на него. Что же ты, Костя, наделал. Стой вот теперь и жди.

Закряхтела визгливо решетка двери. Повели мелких хулиганов, пьяных бородачей, живым шлейфом драконящих без того несвежий воздух.

– Вы к кому там? – в который раз крикнул сквозь защитный пластик дежурный.

– Да я это, – растерянно ответил Костя, – я не знаю, если честно. Мне вот тут вот, в общем... – Он протянул повестку.

Дежурный бегло заерзал по строчкам, что-то пришептывая, дергая губами. Разрывался без конца телефон. Дежурный бросался к трубке, с кем-то ругался, кому-то что-то доказывал, записывал в журнал адреса, оповещал по громкой связи о сборе следственной группы, отправлял наряд ППС на разборки с дворовой гопотой. В такой суматохе дежурный опять забыл про Костю.

Тот уже попятился к двери, оглядываясь, не палит ли его контора, как дежурный наконец успел вникнуть в содержание и, чуть ли не размахивая руками, принялся объяснять:

– Это не повестка вовсе. Повестка, – хмыкнул тот, – какая же это повестка.

– Так что, мне куда?

Испуганный Костя готов был прямо сейчас составить компанию задержанным. Догадывался, что не станут здесь церемониться, и придется рассказать правду.

– Да иди на здоровье, – заулыбался дежурный, – туда вон, в сто седьмой, – и даже паспорт не потребовал.

«Такие дела», – удивленный внезапным полицейским добродушием, Костя отыскивал кабинет и, постучавшись тремя четкими ударами, приоткрыл дверь, заглядывая в невозможное будущее.

Пузатый майор с каким-то пластилиновым подбородком упорно бил по клавиатуре. Парень топтался у порога и вроде бы шагнул уже внутрь. Майор поднял голову, пытаясь распознать в гражданском пацане кого-то из сотрудников. Не опознал. Так напуган был Костя, что майору через силу пришлось улыбнуться, не спугнуть бы только случайного кандидата.

Жила еще в Косте былая армейская брешь. Вовремя вспомнил, как вертел на пальце завидные офицерские звезды, и, представив, что сидит перед ним тот же Татарин или ненавистный комроты, почти важно зашел в кабинет, закрыл до щелчка дверь.

– Я Неверов Константин. Мне тут в почтовый ящик пришло. – Он протянул листок майору. Но даже в руки не взял майор помятый типографский бланк, который самолично рассылал каждому демобилизованному солдатику.

– Лет сколько?

– Двадцать, – отчеканил Костя.

– Куришь?

– Курю.

– Пьешь?

– Нет, – соврал и отвел глаза.

– Плохо, – определил майор.

– Так точно, – согласился Костя.

Он ждал, когда майор дождется, пока заварится кофе. Это когда, и это пока, вялотекущая часовая стрелка сражали бедного Костю. Поскорее бы признаться, легче же будет. Так он думал, но понятия не имел, откуда в нем, бывшем противнике порядка, появилось желание сдаться и закончить враз преступную случайность.

– Чем на жизнь зарабатываешь? – спросил майор.

И Костя подумал, может, ненужность его и постармейская неустроенность выбили из колеи. Да была бы работа нормальная, разве слонялся бы тогда без дела, разукрасил бы танк.

– Да чем придется, – сглупил Костя, – матери помогаю пока что.

– Пока что. Почему пока что? Матери всегда нужно помогать, – заметил майор, и Костя в принципе согласился. Он кивнул, а майор застучал ложкой, размешивая сахар.

– Кофе бушь? – с просил майор и сразу перешел к делу, приняв недолгое молчаливое раздумье за ожидаемый отказ. Он указал на место, и Костя присел. Аккуратно сложил руки на коленях, отодвинул стул, освободив на всякий случай пространство между собой и столом.

– Служить в полиции хошь?

Костя, ждущий иных вопросов, согласный на все, лишь бы отпустили домой, не раздумывая, кивнул. Не понял, зачем. А когда понял, на что подписался, пусть кивком, пусть необдуманной улыбкой, пошел в отказ, ляпнув многозначительное «то есть», но майор уже доставал лист бумаги.

– Ну а что. Молодой, здоровый. В ППС бушь работать? Костя решил молчать.

– Вот и славно. ППС – это мощь. Основа основ, – радовался кадровик. – Нехватка, конечно. Кадровый голод. Но ничего, работа хорошая. Где ты такую работу найдешь? Вот именно. Нигде.

Костя верил, что не найдет такой работы. Да, может, вообще никакой не найдет. Но лучше уж остаться засаленным бездельником, думал он, чем снова надеть форму, да еще с нашивкой «полиция». Он осмелел, когда понял, что угрозы нет, и решил думать, что выходка с разноцветным танком не имеет к нему никакого отношения.

Когда надо было писать под майорскую диктовку «прошу принять меня на службу в органы внутренних дел», Костя аккуратно встал и вежливо кивнул майору.

– Извините, нет у меня желания.

– Да ты что, пацан? – раскраснелся майор. – Да разве можно? Я тебе тут письма шлю, время трачу. А ты мне что?

Костя замялся. И сам покраснел.

– Я тебе говорю, пацан, ты чего? Пенсия – рано, зарплата – раз в месяц. Стабильно. Без задержек. Форму – дают. Премия под Новый год. Да ты представляешь?

– Представляю. Можно, я подумаю?

– А что думать? Соглашайся, я тебе говорю. Подумает он.

– До завтра подумаю и завтра же позвоню.

– У нас некомплект. А ты вон какой, да у тебя на роже написано – мент. Что ты мне впариваешь? Уж я-то знаю.

Костю не обидела схожесть с ментом. Он сейчас прямо решил, если удастся работать в команде Старшого, возьмет себе ментовское погоняло. Назло, всем на зависть.

– Ну чего ты? – кричал майор, и слюна его брызгала во все стороны. Только уворачивайся.

– Да нельзя мне в полицию. Понимаете, не могу я. Брат у меня судимый. На зоне он срок валит. В тюрьме. Вы понимаете?

Майор хмыкнул, ноздри его набухли, и кровь опять бросилась в лицо. Красный-красный кадровик терпел поражение, а Костя мысленно благодарил брата за такой неумышленный корефанский подгон.

Старшой приехал утром. Мать ответила, что Кости нет дома.

– Как это нет?

– А так вот и нет. Не ночевал. Иди.

Костя, оправдываясь «Мама, ну ты чего?», открыл дверь и вышел на площадку.

– Тише говори, – предупредил, указав на дверь.

Мать и впрямь держала ухо по ту сторону. Распознавала тихую, но понятную речь. Вот-вот, и вышла бы сама, и прогнала бы этого негодяя, который подставил ее сына, который и младшего мог подставить. Но в младшего она верила. Младшему доверяла.

– Надо подождать, – просил Старшой и нервно ширялся в карманах. Спортачи ему шли больше, чем брюки со стрелками. – Ты подожди еще неделю. Должен приехать один человек, он все решает. Ты пойми.

Терпеливо слушал, как нагоняет суету Старшой.

– Да я понял, чего ты. Я подожду, конечно.

Он стоял и стоял. Можно было идти – Костя же услышал, через неделю, но Старшой мялся, как девчонка.

– Слушай, я тут договорился. Короче, хочешь брата увидеть?

Не заходя домой, Костя помчался по ступенькам. Мать открыла дверь. Тишина смело шагнула в квартиру.

Дембель спросил, как он хочет умереть. Костя ответил, что не собирается умирать.

– И все-таки. Рано или поздно придется.

– Думаешь, мне предоставят выбор?

– А если бы предоставили? – настаивал дембель.

И тогда Костя на отвяжись сказал, что не против расстрела.

– В упор из пистолета?

– В упор, – подтвердил Костя, – да хоть из пистолета. Какая разница.

Дембель произнес растянутое «ага», представил, как сражает затылок стальной сердечник пули.

– А вот я... – не дождавшись ответного вопроса, заговорил дембель.

Косте все равно было, как собирается уйти из жизни его странный попутчик, но ради спасения из этих приглушенных трущоб решил выслушать. Он закивал, изображая, как увлекательно рассказывает о смерти не убитый, к сожалению, солдат.

– Я бы вот знаешь, как хотел. Представь, что бежишь от людей. Толпа за тобой гонится. Хрен знает, что ты сделал такого. Но они бегут и бегут и хотят тебя разорвать на части.

– А потом? – спросил Костя.

– А потом пропасть. Представляешь, такой внезапный обрыв. И у тебя секунда всего, чтобы решить – прыгнуть или нет.

– И ты, конечно, прыгаешь.

– А как иначе. Прыгаешь, так и не поняв, правильно ли сделал.

Казалось, ни Костя, ни дембель не могли принять факт естественной смерти: старческого ухода, болезненного удушья, внезапной остановки сердца.

– Если прыгнешь, значит, герой. Не побоялся.

– Не побоялся умереть?

– Конечно.

– У тебя не было выбора. Все равно бы умер.

– Выбор есть всегда. Другое дело, что умирать придется каждому. Но лучше уж максимально смело. Это настоящее наслаждение. Вот знаешь, в этом и есть смысл. Смысл жизни. Мне так вот кажется.

– Да ну тебя, – хохотнул Костя, – бред какой-то.

– Да, бред, конечно, – с огласился дембель.

Они шли, и подвесной мосток раскачивался под ними, подыгрывая легкому речному ветру. Костя держался за стальные поручни, изношенные временем, похожие больше на тряпичные вытянутые тросы, и старался не смотреть вниз. Дембель задорно вышагивал и специально, что ли, раскачивал деревянную основу, треснувшую местами до глубоких прозрачных дыр.

- Ты сказал, понадобится моя помощь.
- Да... – растянул Костя. – Ты мне вот скажи. Ты бы мог убить человека?
- Еще чего? Зачем? – остановился дембель.
- Да ладно, не гони. Я просто так спросил.
- Нет, подожди. Ты что затеял?

Костя не ответил.

Фонарные столбы, понатыканные не к месту, транзисторные вышки, растянутые, обвисшие старческие провода намекали, что люди здесь лишние. Иногда преграждали им дорогу то одинокий старик, сгорбленный и сжатый, то рыночная какая-то тетка с сумищами в руках. Могли бы разойтись – пространство позволяло, бок о бок хотя бы, но местные уверенно шли напролом, не замечая двух молодых, не нужных полумертвому городу пацанов.

Дембель зачем-то здоровался с каждым редким встречным, но ответного «здравствуйте» не получал.

- По ходу жизнь тут тяжелая, – объяснялся дембель. – Одним собакам хорошо.

Дворовые стаи носились, как гончие, за невидимой палочной добычей. На деревянных колышках бывших заборов беззаботно дремали коты, поджав лапы. Грязная шерсть добро вписывалась в здешний контраст, а довольное мурчание подыгрывало отдаленным звукам загородной пилорамы.

Дембель шел все медленнее. Костя сказал бы – осторожнее. Останавливался, оборачивался. Нам туда. Нет, все-таки в ту вон сторону. Похоже, мог бы вовсе развернуться и пойти обратно к железной дороге. В двух домах заблудился, в трех электрических вышках.

- Куда мы идем?
- Туда, – указал дембель, хотя сам не знал, куда идти.

Показались осевшие домики.

Над входом, с прищипоренными к порогу смелыми гипсовыми какими-то колоннами, бугрился от ветра матерчатый плакат.

«Берегите природу – мать вашу».

Белые буквы, выцветшие от правды, обреченно сливались с прежде красным фоном, один непокорный контур сохранял фактуру и смысл написанного.

Покоилась у входа ржавая «Волга» с пробитым багажником.

Дембель кивнул, и Костя ответил – вариант.

Открыли с тяжелым мучительным скрипом гаражную дверь. Дыхнула холодная темнота, крутанул белый мертвецкий пар. Бахнуло звенящим громом, отдалось в деревянном полу глуховатым шумом. Дембель потянулся в карман за огнем зажигалки, но Костя уверенно нащупал выключатель, и просветлело. Заныли неприятно глаза.

С тем же выстраданным прищуром смотрело на них вытянутое лицо с рыбьим треугольным подбородком и чешуйчатой пористой кожей. Мужик, согнувшись, ютился в углу на корточках и было заговорил, но, дернув головой, опустил ее, и глаза, привыкшие к редкому свету, тоже устремились вниз.

Худая шея вертикально, словно торчащий флагшток, покачивалась нервным пульсом, и прижатая к ней голова ненормально тряслась.

- Здравствуйтесь, – сказал Костя.

Мужик нехотя дернул корпусом, так он поздоровался, не в силах, наверное, поднять ладонь. Сжатые кулаки грелись где-то в подмышках, а сплетенные у груди руки намекали, что особого желания говорить у мужика нет.

- Нам помощь нужна. Подбросишь до станции? – спросил дембель.

Костя сразу не заметил, что на голом костлявом теле висит старый милицкий китель с капитанской россыпью звезд на правом плече и старлеевским трезубцем на левом. Вытянутые коленки советских спортивных сочетались с порванными петлями у ног.

Мужик заерзал, достал откуда-то заготовленную самокрутку и одним движением зачихнул ту в рот, снова покойно застыв глиняным равнодушием. Костя вытащил-таки зажигалку и, чиркнув огнем, приблизил пламя к спящему табаку.

Затянулся. Прокашлял неприятной трескучей хрипотцой и выпорхнул вслед остаток дыма, не осевший в легких. Мужик мусолил сигарету, гоняя ее по губам, и все не поднимал рук. Когда докурил, толкнул с силой языком, и скрюченный бумажный корешок стремительно понесся к соседнему углу. Сверкнув оранжевым, убился об стену.

– Пасыба, – сказал мужик, почти не открывая рта. А если б открыл, то перекошенные, сломленные через один зубы, гнойное небо и кровавые десны все равно не позволили бы слову пробраться живым и невредимым.

Дембель напомнил о просьбе. Но безвольный мужик и глаз не поднял.

Вышел обратно в улицу. Костя устало присел на деревянный поддон.

Мужик закашлял. Костя потянулся к спине – постучи да пройдет, – но тот отодвинулся, типа сиди ровно и не мешай мне тутдохнуть. Ядох тут всю жизнь, а ты кто такой, чтобы мне теперь помогать.

Да и сдохни на здоровье.

Он смотрел на этого мужика и знал, не надо смотреть. Так не смотрят на больных детей или приговоренных к вечным мукам инвалидов. Но Костя не мог оторваться. В какой-то момент он понял, что никогда не докатится до такой глухой старости и лучше умрет молодым, чем останется жить с нелюбимой жизнью.

Он представил, а вдруг поймают все-таки. Вдруг там действительно были расставлены камеры, и на всех полицейских опорниках уже висят ориентировки с его лицом. Розовый-розовый танк. Зеленый испуганный Костя.

Видел наяву, как сперва звонили на брошенную симку, после – как пришли домой, как беседовали с матерью и опрашивали соседей. Сейчас, наверное, поднял шумиху участковый и заработали опера.

Костя думал про Летчика. Он вспомнил зачем-то, что ненавидит погибшего сослуживца, что никогда бы не общался с этим умником, встретить такого на гражданке. Он признался даже, что завидовал, как Летчик спокойно справляется со службой, как не трогают его суточные наряды, как быстро тот бежит и выносит марш-броски, как скоро запоминает статьи из устава караульной службы. Он говорил не думая, и слова, подбадривая друг друга на связный ненужный текст, лились кипятком пропащих обид.

Он вспомнил, как познакомился с Лехой. Как стояли они, голые, в кабинете хирурга, когда их притащили сержанты на первый казарменный медосмотр, как смущенно теснились в очереди и краснели, краснели, краснели. Это ведь Летчик не поддался команде «нагнись», когда бородатый врач хотел что-то рассмотреть в промежности. Это Костя нетронутым вышел вслед из кабинета и гордо пронес себя мимо запуганных до тряски черепов.

Он помнил, как их били дембеля, и если здоровый Костя задышался от ударов, то мелкий Леха на удивление терпел и даже посмеивался, наслаждаясь словно такой понятной и ожидаемой близостью.

Долго жило в нем чувство небелой зависти, когда Летов стал замком и получил сержантские лычки. Окрепла зависть до ржаной ненависти, когда появилась фотография Лехи на доске Почета, и как на утреннем разводе сам комбриг благодарил его за службу, а потом играл гимн, и казалось, что гимн играет специально для Летчика.

Он пытался найти повод, чтобы разругаться с Лехой до последнего армейского дня, но не поддавался тот на провокации, терпел насмешки над своим ростом и лопухами ушей, улыбался всякий раз, когда срывался от дикой тоски психованный Костян. Пряталась в Летове какая-то своя особенная тайна, и знал о ней один Летов. Тайна эта позволяла Лехе просто быть, а не стараться кем-то стать. Ничто не могло расшатать его крепкий воинский дух.

А потом, много времени спустя, позвонила мать Лехи и сообщила страшное:
«Лешеньки не стало. Он так вас ценил. Вы приезжайте, пожалуйста».

И так паршиво стало, что Костя, не раздумывая, решил ехать. Он, конечно, не полюбил Летчика, но вконец возненавидел себя. Он живой, а Лехи больше нет.

Тогда и решил, что отомстит. Найдёт и отомстит. Руками задушит, горло порежет, избьет до смерти того, кто убил его друга. А как иначе, как еще он мог поступить?

Мужик запыхтел. Нещадно глотал он воздух, не мог раскашляться. Глаза его, белые-белые, заплыли, и Костя сам почувствовал пелену мути, густой войлок слепоты.

– Дай, – шипел он, – дай.

Костя вытащил сигарету, но мужик сжал губы, как ребенок. Не буду.

– Дай, дай, – повторял безумно.

И Косте тоже сказал – дай.

– Я видел там на улице машину. Это ваша машина? Не могли бы вы... ну, может быть, вы одолжили бы машину. Я верну, я отвечаю.

– Машину? – о жил мужик. – Что ты! Машина – это все, что у меня осталось. У меня больше ничего нет. Я всю жизнь старался жить правильно, а теперь что... кусок железа на последнем ходу.

Костя подумал, что машина все равно не спасет мужика.

– Понимаете... я должен добраться до одного места.

Он хотел рассказать, но не стал. Чем он мог помочь, этот пропитой мужик. Казалось, дотронься до него – упадет. Ватная мякоть, резиновый корпус. Вот кому нужно умирать.

Трещала проводка, и моргал назойливо свет.

– Дай, дай, – снова повторил безумный мужик.

– Что тебе дать? – рявкнул Костя.

– Дай, – кряхтел тот судорожно и страшно.

На всякий случай пошарил в карманах. Вытащил сложенную напополам пятихатку и сунул в передний карман кителя. Вбежал дембель. За мгновение до прощального полета мужик вдруг рассмотрел наконец Левчика. Потянул уже руку, рыбий рот задвигался, и выскользнула немота, понятная, может, одному только дембелю. Но тот ничего не ответил. И мужик не смог объяснить.

Дембель уверенно нащупал в его кармане ключ, обнаружил Костину пятихатку и, засияв, предложил взять в дорогу пива.

– Нет, оставь, – возразил Костя, – есть у меня деньги.

Старенькая «Волга» радостно заурчала, когда Костя занял водительское место.

Не поняли пацаны, что мужик ничего не просил. «В рай, в рай, рай...» – долго еще шептал он.

6

Он думал, ведут к начальнику. После какого-то по счету карцерного застоя Денис решил завязать с чернотой и добить оставшиеся два года без авторитетного розжига, козырной масти, кастовой требухи. Корявил желудок – местный врач попросил плюнуть в стаканчик, после чего на глаз определил язву.

– Меньше курить, больше зелени и фруктов.

Денис напомнил, что тюрьма хоть и дом родной, только не курорт. Он решил завязать с табаком. Тяжело прощался с единственной здешней радостью. На сигареты играли в карты. За сигареты можно было чиркануть строчку в соседний корпус. Ради сигарет дрались. Драки иногда заканчивались ножом. Иногда нож заходил так глубоко, что начинала кипеть жизнь. Возбуждали дело, кошмарили хаты опера, уводили основных, и те молчали, молчали, молчали. Какое-то время зона дрожала, а потом мокруху вешали на суицид, отписывались рапортом в Москву и трубили прежним скучным ритмом.

Сидел Денис с зеленой щелочью, молодыми кайфоманами, реже – с бытчиками химии. «Два-два-восемь, папиросим». Говорил он коротко, говорить было не с кем, слова попусту не тратил, ждал.

– Ты кто по жизни? – спросил его один.

В бычьих игры Денис не играл. Ответил раз и навсегда:

– Я с той станции, куда ты не доедешь.

Его не трогали. Его не боялись и не уважали. Его старались не замечать. Жил он сам по себе, без суеты и спешки.

Рассмотрев комнату краткосрочных свиданий, когда завели его, пропащего, для встречи с кем-то из мира живых, Денис обрадовался.

– С какой стати? – с просил дежурного. Тот развел руками – откуда мне знать. Мое дело маленькое: наблюдай за порядком, слушай, о чем говорят.

Ни о чем таком не говорили.

Денис спросил, как дела у матери. Костя ответил «нормально» и долго-долго всматривался в брата, пока тот не психанул.

Его прорвало: как с неба дождь, загрохотали стеклянные капли объяснений. Они бились и разбивались и звучали с такой силой (пойми же), что Костя глянул на дежурного сержанта (сделай хоть что-нибудь), но тот ничего не мог сделать, ведь порядок Денис не нарушал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.